

УДК 94 (574) «19»

К.К. Абдрахманова

СУДЬБЫ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КАРЛАГЕ

Жертвой политических репрессий 1930–1950-х гг. XX в. в Советском Союзе стала и наука. Научную интеллигенцию подвергали гонениям, расстрелам, заключению в лагеря. Одним из главных мест концентрации научного потенциала стали лагеря Казахстана. Здесь находились многие известные учёные (физики, генетики, биологи, историки, медики) с мировыми именами. Несмотря на тяжёлые условия существования, они здесь занимались научными изысканиями, подтверждая этим свою преданность науке. Статья посвящена крупным советским ученым А.Л. Чижевскому, Н.В. Тимофееву-Ресовскому, ставшим жертвами тоталитарного режима. На основе архивных материалов освещается история и деятельность ученых в годы их пребывания в Карагандинском исправительно-трудовом лагере.

Ключевые слова: тоталитарный режим, исправительно-трудовые лагеря, репрессированная наука, ГУЛАГ, КарЛАГ.

Одной из актуальных как в научном, так и в общественном отношении проблем новейшей истории советского государства является исследование феномена «репрессированная наука». Невозможно подсчитать, сколько талантов было уничтожено тоталитарным режимом. Одни были сосланы, расстреляны, сгнили в лагерях, другие – затравлены идеологической инквизицией, третьи – загнаны в «шарашки», четвертые оказались без учеников, попавших в несметное число «врагов народа», пятые спасались бегством в эмиграцию.

Важной стороной в феномене «репрессированная наука» является тема «интеллигенция и лагерь». Созданная советским правительством система концентрационных лагерей была направлена на освоение малоизученных и труднодоступных регионов страны с помощью подневольной рабсилы и эксплуатации человеческого интеллекта.

Изучение истории науки в ГУЛАГе в 1930–1950-е гг. показывает, что наука выполняла многочисленные функции, позволяющие выжить в стране в определённых социально-экономических условиях. Учёные были в подчинённом состоянии, выполняя волю правящих кругов, но в то же время в своей повседневной деятельности многие из них составляли духовную оппозицию тоталитарному режиму. Эту мысль точно подметил известный учёный-иммунолог, биолог академик Г.И. Абелев, говоря о всей советской науке на протяжении 70 лет: «Альтернативное сообщество (научное сообщество) было невидимым колледжем, его объединяли общая система ценностей и общность судьбы его участников. Человек приходил в это сообщество в силу неких, часто неосознаваемых духовных начал – чувства долга, совести, достоинства, в их как бы вечном и индивидуальном существовании. Отсюда сближение с религиозным отношением к миру и месту человека в нём,

причём у людей, выросших в обстановке безусловного атеизма и прагматизма» [1. С. 52].

Во всем обществе и особенно в условиях ГУЛАГа было противостояние некоторой категории учёных, которые считали работу на власть «работой на дьявола», и тех, кто эту работу рассматривал необходимой в широком общественном контексте. Последние, в том числе и Г.И. Абелев, придерживались взгляда, что такая работа «органическая», формирующая вокруг себя людей «здорового смысла, неискажённых критериев, способных отличать белое от чёрного и в науке и в жизни». Конечно, существовала, и, по-видимому немалая, категория учёных, осознанно не задающих себе вопрос о выборе, принимающих условия жизни как неизбежность. Тем более, что занятия наукой в условиях ГУЛАГа, да и, пожалуй, в условиях всей страны, были далеко не самым худшим средством выживания.

На тему «интеллигенция и лагерь» сами участники гулаговской эпопеи высказываются по-разному. Вот слова сосланного в Караганду поэта Наума Коржавина: «Как у ссыльного, мое положение было лучше, чем положение рядового колхозника. Интеллигенцию притесняли, убивали, но всё-таки относились, как к людям. А к простым людям относились как к замазке» [2. Л. 3].

Примерно в том же духе писал в своих воспоминаниях учёный-экономист, прошедший не один год в печорских лагерях, В.В. Зубчанинов, когда касался отношений начальства к железнодорожным рабочим и к нему: «Ведь у меня нет преимущества перед ними; ем я ту же ячменную сечку, при этом не могу ловить куропаток; получаю 15 руб., тогда как им начисляют в среднем по 30, я не сижу без дела, работаю по 12 часов, как не каждый из них.... Да. Но им тыкают, а мне говорят: «Вы»; их счётом гоняют куда придётся, это «серая порция», было, чёрное рабочее сословие. Разница

между мною и ими не материальная, а сословная. Именно это вызывает неприязнь или угодливую зависть» [1. С. 53]. Человеческое отношение к интеллигенции, если такие слова вообще применимы к репрессивной политике тоталитарного государства, немало способствовало тому, что люди, прошедшие ГУЛАГ, не были растоптаны, не прекратили занятия наукой и на воле, а главное, не озлобились.

Что касается темы «интеллигенция и лагерь», то имеются и другие примеры. Вот слова об умиравшем философе-мыслителе Л.П. Карсавине его «коллеги» по лагерю доктора искусствоведения Ю.К. Герасимова: «Это было тяжёлое время и место. Между людьми были очень сложные отношения. Что касается рассказов бывших заключённых о Карсавине, то их будет немного: лежал и умирал старик, каких было много. Прежние ценности – культура, образование, искусство – волновали очень немногих» [1. С. 52]. И это сказано об учёном с мировым именем – «лежал и умирал старик, каких было много»!

Резко высказывался историк А.В. Антонов-Овсеенко: «В лагере образованных не любят, интеллигенцию травят, как полевых вредителей. Бригадиры, десятники, надзиратели, охранники вымещают на них свою злобу. Уголовники истребляют учителей, писателей, профессоров с таким старанием, будто по директиве сверху действуют. А «кум» (оперуполномоченный), тот при виде мыслящего эзика аж загорается в охотничьем азарте. В соседней бригаде работает математик: мягкая улыбка на измождённом лице, неизменная вежливость, спокойный тон медлительной речи, а в глазах, в безвольно опущенных плечах – полная обречённость. Такие в лагере не выживают» [3. С. 19].

Человеческая жизнь в сталинское время ценилась низко. Главными была идея и конкретные задачи, воплощающие эту идею. Люди имели значение, только выполняя определённые функции. Здесь они рассматривались как товар. Поэтому так низко ценилась простая рабочая сила, которую в неограниченных количествах могли согнать на общие работы. Её цена повышалась в определённые отрезки времени, когда или ставилась новая масштабная задача, или по каким-то причинам случались перебои в поставке рабов для ГУЛАГа. Стоимость специалистов была выше, и поэтому к ним отношение было несколько иным. Но ценились только высококвалифицированные специалисты, да и те, кто не имел «страшных» статей. В этих случаях система уничтожала таких людей, делая исключения в редчайших случаях, позволяя

«провинившимся» работать на себя. В условиях ГУЛАГа более важным было не то, что ты знаешь и что ты умеешь, а то, как ты можешь делиться с другими своими знаниями и умениями. Важен не человек сам по себе, а человек во взаимодействии с другими. Поэтому даже хорошие специалисты, не найдя своего места в лагерном сообществе, часто могли оказаться оторванными от коллектива и, в конечном случае, не способными выполнять работу, требующую совместных усилий. Если на воле такая обособленность не приводила к профессиональной непригодности, то в условиях лагеря это было нередким явлением.

В научной работе в условиях лагерной системы важно было умение общаться, делиться своим научным багажом и использовать знания и умения других. Вот одна из причин, почему учёные в лагерях были организованы в сплочённые группы. Они состояли из учёных, артистов, инженеров, писателей, художников, музыкантов и людей других профессий. Однако эти группы не образовывались по узкой профессиональной деятельности. Большим уважением пользовались люди с энциклопедическими познаниями, так как источников информации остро не хватало. Люди нуждались в духовной пище, чтобы выжить в условиях информационного голода.

Весьма показательные данные об образовательном уровне лагерных заключённых ГУЛАГа за 1934–1941 гг. приводит исследователь В.Н. Земсков. За период с 1934 по 1941 г. удельный вес лиц с высшим образованием возрос в три раза, а со средним – почти в два раза. Столь значительное увеличение удельного веса заключённых с высшим и средним образованием произошло, несмотря на одновременный рост численности лиц с низшим образованием, число малограмотных среди лагерных заключённых возросло с 217 390 в 1934 г. до 413 122 в 1941 г., т.е. почти в два раза, но их удельный вес в общем составе заключённых ИТЛ за этот период понизился с 42,6% до 28,3%. Численность же заключённых с высшим образованием увеличилась за 1934–1941 гг. более чем в восемь раз, со средним – в пять раз, что обусловило возрастание и их удельного веса в общем составе лагерников [4. С. 14–15].

Эти данные говорят о том, что опережающими темпами в составе лагерных заключённых росли численности и удельный вес интеллигенции. Недоверие, неприязнь и даже ненависть к интеллигенции – это общая черта коммунистических вождей. Практика показала, что, добравшись до безграничной власти, они были просто не в силах удержаться от соблазна поглумиться над интелли-

генцией. При этом способ глумления над интеллигенцией в маоистском Китае – отправка на «трудовое перевоспитание» в сельское хозяйство – можно назвать относительно гуманным. Наиболее «радикально» поступил другой коммунистический вождь – Пол Пот, который физически истребил почти всю интеллигенцию в стране. Сталинский же вариант глумления над интеллигенцией, заключавшийся в отправке части её в ГУЛАГ на основе надуманных или сфабрикованных обвинений, занимал как бы срединное положение между маоистским и полпотовским вариантами. Нерепрессированной части интеллигенции была уготована форма глумления в виде «идеологических взбучек», руководящих и направляющих указаний «сверху» о том, как ей следует мыслить, творить, почитать «вождей».

Если говорить об использовании узников ГУЛАГа по специальности, т.е. задаться вопросом, насколько эффективно использовала гулаговская система их интеллект, знания, опыт и практические навыки, то можно выделить следующие категории узников: учёные, инженеры и другие специальности, соответствующие промышленной ориентации концлагеря, которые использовались по специальности; гуманитарии, знания которых оказались невостребованными; учёные и инженеры, которые по режимным соображениям использовались только на общих работах; каторжане, предназначенные по судебному определению только для тяжёлых и опасных работ. Такая классификация несколько условна: те узники, которые использовались по специальности, некоторое время, как правило, содержались на общих работах; гуманитарии стремились переквалифицироваться, становились геологами или горняками, т.е. получили новую лагерную специальность, спасавшую их от общих работ. Для официального ГУЛАГа гуманитарная интеллигенция была балластом, так как они были хуже приспособлены к тяжёлому физическому труду. Однако их влияние на всю жизнь лагеря было огромно. Гуманитарии создавали нравственно-культурный климат, помогая выжить заключённым, укрепляя их дух.

Одним из главных мест концентрации научного потенциала в системе ГУЛАГа являлся КарЛАГ, образованный 19 декабря 1931 г. Его создание было связано с освоением и развитием угольно-металлургической промышленности Карагандинской области. В политическом плане Карлаг являлся местом изоляции социально опасных нарушителей и контрреволюционных элементов. В экономическом плане он входил в производственно-хозяйственную систему всей страны, поскольку являлся поставщи-

ком высококачественной сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Именно здесь отбывали срок крупнейшие учёные, которые в дальнейшем заложили основы научно-исследовательской работы в учреждениях и учебных заведениях Караганды.

Необоснованно, без суда был осужден один из великих учёных XX в. профессор Александр Леонидович Чижевский. Русскому учёному было чуть более сорока лет, когда его избрали почётным президентом Международного конгресса по биологической физике и биологической космогонии (Нью-Йорк, 11–16 сентября 1939 г.). В соответствии с протоколом вниманию присутствующих был представлен меморандум о его научных трудах. В нём было отмечено важнейшее научное и практическое значение трудов профессора Чижевского, а сам он был назван «гениальным натуралистом». В меморандуме охарактеризованы десятки направлений его деятельности – биофизика и электрофизиология, медицина и проблемы продления жизни, физиология дыхания, животноводство, растениеводство, эпидемиология, изучение смертности, установление нового закона о вегетативной функции Земли; он – основоположник ряда новых направлений в науке, а также талантливый изобретатель. Отмечалось, что особое место в работе учёного занимают изыскания и в сфере гуманитарных наук. В заключение говорилось: «Редко, когда на долю одного учёного выпадает счастье подметить, открыть, установить так много явлений природы, фактов и законов... Обширность и глубина трудов профессора Чижевского показывает, что всю свою жизнь, не щадя себя, он работал в лабораториях. Он – неутомимый, исключительный по выносливости и творческой энергии человек, истинный труженик на научной ниве, отдавший всего себя и всё своё слабое от природы здоровье служению высшим гуманитарным идеалам человечества». И далее отмечалось, что «изучить работы А.Л. Чижевского – истинное наслаждение для каждого учёного, врача, биолога и всякого натуралиста вообще, стоящего на уровне современной науки, так как его труды и идеи идут в её авангарде, опережают её, и иногда значительно. Важно и то, что они блещут не только прогрессивной новизной, глубиной и дерзостью полёта мысли, но и высоким мастерством изложения или изяществом математического базиса» [5. С. 51]. Под этими словами стоят подписи всемирно известных учёных А.Д. Арсонваля и П. Ланжевена.

Проблемы космологии заинтересовали Чижевского ещё в юности. По счастливой случайности Чижевскому удалось встретиться и побеседовать с

великим учёным, изобретателем и философом К.Э. Циолковским. На этой встрече Чижевский задал Циолковскому вопрос: «Могут ли циклы солнечной активности влиять на мир растений, животных и даже человека?». На всю жизнь запомнил Чижевский ответ Циолковского, который не только поддержал молодого человека, но и наметил пути научного исследования: «Было бы совершенно не понятно, если бы такого действия не было. Такое влияние, конечно, существует и спрятано в любых статистических данных, охватывающих десятилетия и столетия. Вам придётся зарыться в статистику, любую статистику, касающуюся живого, и сравнить одновременность циклов на Солнце и в живом.... Вам придётся много поработать, но мне кажется, что в этой области можно обнаружить много самых удивительных вещей» [5. С. 52].

На протяжении с 1914–1922 гг. Чижевский обучался в МГУ на трёх факультетах: археологическом, физико-математическом и медицинском. В марте 1918 г. он защитил диссертацию на степень доктора всеобщей истории «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» [6. Л. 16]. Чтобы подготовить эту диссертацию, А.Л. Чижевский проделал колоссальную работу, которую продолжал и после защиты.

К 1924 г. труд насчитывал 900 машинописных страниц. Автор основывал свои оригинальные выводы о солнечно-земных связях на огромном фактическом материале. Образно говоря, археолог Чижевский проводил «раскопки» в исторических архивах, изучая на древнегреческом, латыни, немецком, французском, английском и, конечно, русском языках произведения историков, философов, поэтов и врачей. Китайский энциклопедист Ма Туанлин, живший за много лет до нашей эры, авторы древних арабских и армянских записей, Киево-Печерские и новгородские летописцы, создатели галльских и германских хроник часто сопоставляли явления, отмеченные на Солнце в виде «пятен», с земными явлениями – грандиозными геофизическими катастрофами, вспышками эпидемий, массовым голодом.

Учёный приходит к выводу, что жизнь – в значительно большей степени явление космическое, чем земное. «Оно создано воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живёт динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звёзд, Солнца и планет» [7. С. 85]. Более того, учёный был убеждён, что почти все важнейшие моменты в истории че-

ловечества совпадают с эпохой максимального напряжения солнцедельности.

К сожалению, издать этот грандиозный труд не удалось. Краткое и популярное извлечение из него было опубликовано в начале 1924 г. в Калуге под заглавием «Физические факторы исторического процесса» (в издании всего 72 страницы). Данная книга вызвала резко отрицательное отношение со стороны ревнителей ортодоксальной науки, открытие учёного считали лженаукой, астрологией, а его самого не только «солнцепоклонником», но и мракобесом.

В 1930 г. выходит новый труд А.Л. Чижевского «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца». В работе автор приходит к выводу, что все эпидемии чумы на Земле совпадают по времени с появлением тёмных «пятен» на Солнце. Также в момент особенной активности Солнца на Земле происходят землетрясения, наводнения, засухи, начинают усиленно развиваться вирусы и бактерии, на человечество обрушиваются «эпидемические катастрофы» [8]. Результатом многолетней кропотливой работы учёного, его содружества с отечественными и зарубежными врачами, физиками, биологами стало появление новой науки – космической биологии. Основателем её по праву считается А.Л. Чижевский.

Помимо предыдущих изысканий, учёный проводил серию исследований по положительному влиянию на все живые организмы отрицательно ионизированного воздуха. Итоги этих исследований были столь значительны, что Совнарком СССР принял постановление о создании Центральной лаборатории ионификации, директором которой назначали А.Л. Чижевского. Он мечтал очистить жилища, производственные помещения, целые города от загрязнённого воздуха, насытить его аэроионами отрицательной полярности.

Однако в середине 1936 г. лабораторию закрыли, исследования учёного объявили лженаучными, а сам он в течение трёх лет вынужденно бездействовал. В 1938 г. Чижевский подал заявку на регистрацию нового метода распыления красок и покрытия ими поверхности в электрополе. Своё изобретение он передал Советскому правительству. Но это новшество не оценили.

А.Л. Чижевский всячески отстаивал свои изобретения. С горечью писал он в феврале 1955 г.: «Косность, боязнь новизны, трусость и перестраховка ещё владеют умами некоторых наших производителей. С этим злом надо беспощадно бороться. Надо решительно искоренять тупое безразличие к научным дерзаниям и смелому экспе-

рименту, ведущему к научному и техническому прогрессу» [6. Л. 16].

В 1939 г. его кандидатуру выдвигают на Нобелевскую премию как Леонардо да Винчи XX в. Однако он сам снимает свою кандидатуру. В родной стране ему была уготована совсем другая «честь». Исследования Чижевского стали публиковаться всё реже, порой он вообще оставался без работы, что вынуждало его продавать свои картины.

В январе 1942 г. Чижевский был арестован. До вынесения окончательного приговора он находился в тюремном заключении в Челябинске. 8 июня 1943 г. Особое Совещание при НКВД СССР вынесло приговор. Постановили: «Чижевского Александра Леонидовича за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок с 22 января 1942 г. с конфискацией библиотеки» [6. Л. 69].

Юридическим обоснованием приговора послужило то, что Чижевский был по происхождению дворянином, сыном царского генерала. Его обвинили в том, что он «выступал против Сталина», «вёл переписку с иностранными учёными, за что был представлен к Нобелевской премии», «враждебно встретил Октябрьскую социалистическую революцию» [9. С. 190].

Первым тюремным этапом для ученого стал ИвдельЛАГ. Сюда он прибыл 29 июня 1943 г. В январе 1945 г. Чижевский был переведён в КарЛАГ в лечебно-санитарное отделение [6. Л. 70]. Находясь в невыносимых условиях КарЛАГа, без лабораторной базы, а также необходимых справочников и пособий, он продолжал вести глубокие научные исследования. Об этом свидетельствует переписка учёного, сохранившаяся в его личном деле.

В письме заместителю начальника КарЛАГа подполковнику Слюсаренко А.Л. Чижевский обращался со следующей просьбой: «Я позволю себе представить Вам имеющиеся у меня книги по вопросам аэроионизации и покорнейше прошу Вас ознакомиться с ними, в частности со статьёй профессора Варищева. В настоящий момент я закончил работы по составлению двух научных работ для отправки их в Центр и покорнейше прошу Вас разрешить мне лично явиться к Вам, чтобы дать необходимые пояснения по этим серьёзным работам, из которых одна имеет большое государственное значение» [6. Л. 71].

На что Слюсаренко дал такой ответ: «Вызвать его и оказать помощь в пересылке материалов его работы по адресам. Возвратить ему его книги. Улучшить ему в Долинском комендантском отделении жилищно-бытовые условия и создать условия для работы» [6. Л. 71].

На рецензию в Москву одна за другой уходят работы Чижевского: «Об абсолютной очистке воздуха от пыли и микроорганизмов», «Электростатизация морфологических и белковых элементов крови при переливании», «Электростатический метод интенсификации химических реакций», «Профилактическая роль отрицательных ионов воздуха в рентгеновских кабинетах».

Ответы не заставляли себя ждать: «31.12.47. Начальник КарЛАГа МВД подполковнику Соколову направляю для сведения и сообщения заключённому Чижевскому А.Л. копии отзывов на представленные им работы. Работы научной ценности не представляют. Возражения автора, если последние возникнут, направлять в Центральное бюро по делам изобретений 4-го спецотдела МВД СССР. Приложение: 1. Отзыв Комитета по изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР. 2. Отзыв специалистов 4-го спецотдела. Зам. начальника промотдела 4-го управления ГУЛАГа МВД СССР Колесов» [9. С. 204].

Несмотря на отказы, А.Л. Чижевский продолжал настойчиво писать подполковнику Слюсаренко: «Я приступил к научно-исследовательской теоретической работе об электрических функциях крови, экспериментальная часть которой была мною выполнена в ЛСО в 1946 г. Этот труд подробно рассматривает электрические свойства крови, их изменчивость при ряде заболеваний, особенно при раке. Параллельно я занят разработкой ещё двух научных тем военного характера. Я приступил к работе над выяснением возможного применения электростатического метода к увеличению прочности бетона, что может иметь большое значение при постройке бетонных сооружений военного характера» [6. Л. 72].

Не добившись положительного результата на свои запросы, А.Л. Чижевский обратился с письмом к самому начальнику КарЛАГа подполковнику Соколову: «В течение двух последних лет в свободное время я вёл серьёзную научно-исследовательскую работу в области моей специальности – биофизики. Выводы этой работы могут иметь, по-видимому, очень большое военное-оборонное значение. Попытки заинтересовать моим трудом ответственных работников лагеря успехом не увенчались. Ввиду чрезвычайной актуальности и серьёзности дела я позволяю себе обратиться лично к Вам, с покорнейшей просьбой не отказывать вызвать меня для 10-минут доклада Вам о военно-оборонном значении моей работы, дабы вы решили её судьбу. Прошу простить меня за причиненное беспокойство. Профессор Чижевский, бывший директор Центральной лабора-

тории ионизации Наркомзема СССР» [6. Л. 72].

На все письма и просьбы Чижевский ответа не получил.

В КарЛАГе А.Л. Чижевский сильно болел. В своём заявлении он пишет: «5 января я получил в карцере сильное сотрясение мозга, следы которого в виде сильных головных болей держатся до сих пор. Я глубоко неизлечимый инвалид, страдающий одной из самых страшных и тяжёлых болезней сердца – грудной жабой. Частые ночные приступы неопишуемых болей и удушья, длящиеся иногда часами, бессонные ночи приковывают меня к постели и делают меня практически совершенно нетрудоспособным. Более 50% моего пребывания в заключении я пролежал в стационарах.... Я хочу лишь одного – получить возможность закончить новаторские научные труды» [9. С. 210].

Позже, уже в Спасском отделении, А.Л. Чижевский получил заключение консилиума, состоявшего из профессоров и докторов Г.С. Ващадзе, В.В. Опеля, Л.Е. Паценко, Г.Г. Эрнезакса, И.И. Козаковского, удостоверяющее, что он «страдает миокардиодистрофией с расширением сердца, стенокардией с частыми приступами удушья, генерализованным артериосклерозом периферических сосудов мозга, эмфиземой лёгких, паренхиматозным гепатитом, хроническим колитом, грыжей белой линии живота» [6. Л. 73].

В производственной характеристике, подписанной начальником управления КарЛАГа Соколовым и начальником политотдела КарЛАГа подполковником Егоровым, данной на содержащегося под стражей в Карагандинском исправительно-трудовом лагере МВД заключённого Чижевского А.Л. под № 300062, отмечено: «В условиях КарЛАГа МВД возможность трудоустройства зэка Чижевского А.Л. была очень ограниченной.... Это дало основание считать, что дальнейшее использование зэка Чижевского по линии медико-санитарной службы нецелесообразно. Санотделом поставлен вопрос о его переводе в другую отрасль хозяйства, где он может быть более полезен» [6. Л. 73].

10 июня 1948 г. спецкомиссия в составе подполковника Даниеленко, подполковника Скворцова и младшего советника юстиции Ларинины выносит заключение по личному делу Чижевского А.Л.: «Перевести в особый лагерь МВД СССР». Из выписки протокола заседания Центральной Комиссии МВД, КГБ и Прокуратуры СССР от 4 июня 1948 г. за № 28 по отбору заключённых, подлежащих переводу из КарЛАГа в особые лагеря и особые тюрьмы МВД, следует: «.... Чижевский А.Л. как особо опасный государственный

преступник подлежит содержанию в особом лагере МВД. Начальник спецотдела КарЛАГа МВД СССР майор Матросов» [9. С. 212].

Таким особым лагерем был Спасск. Здесь А.Л. Чижевский попадает в штат лагерной больницы, получает комнату, которая стала его лабораторией. Находясь в Спасском лагере, учёный продолжает свои научные изыскания. У начальства лагеря он просит выделить ему в помощь узника КарЛАГа, учёного-математика П.Г. Тихонова.

П.Г. Тихонов, как и Чижевский, был арестован 22 января 1942 г. и осужден по 58 ст. п. 10 на десять лет. До ареста он работал преподавателем Челябинского педагогического института. Уволили его за «антисоветские разговоры», и он был вынужден работать слесарем на заводе [10].

В Спасском особом лагере Чижевский, последние свои годы заключения, работал научным руководителем Клинической лаборатории 2-го отделения. Именно здесь шли серьёзные научные изыскания и был высококвалифицированный коллектив. Учёный занимался исследованием изменения характеристик крови при раке. В Спасске функционировало крупное онкологическое стационарное подразделение. Именно оно станет позже фундаментом для открытия в Караганде онкологического диспансера. Вместе с Тихоновым он отработал огромный материал, который лёг в основу книги Александра Леонидовича «Динамика крови» [11. С. 15]. Этот труд сыграл позже неоценимую роль в освоении человеком космоса.

Поскольку Спасский лагерь поставлял рабочую силу для рудников Джезказгана, то среди заключённых была высокая степень заболеваемости силикозом. Из письма А.Л. Чижевского начальнику Управления Степлага МВД СССР полковнику Чеченову следует: «Данное Вами поручение Клинической лаборатории 2-го отделения по разработке способа борьбы с силикозом в теоретической части выполнено. Расчёты показывают, что электромаска будет весить несколько десятков граммов, не будет стеснять лицевой мускулатуры, выдыхаемый и вдыхаемый воздух будет совершенно свободно проходить через пятисантиметровую трубку, ибо преграды (фильтры) для прохода воздуха отсутствуют, и пыль будет оседать с помощью работы электрического поля, создаваемого специальным генератором электрического тока весом в 600 граммов, помещающегося в кармане рабочего. Теоретические расчёты показывают, что электромаска может иметь универсальный характер, т.е. может быть применена для борьбы с любыми органическими и неорганическими бактериальными запылениями лёгких» [6. Л. 74].

Созданная Чижевским маска могла быть применена во многих областях горнорудной промышленности, а также в местах соприкосновения со «специфической вредной пылью». А.Л. Чижевский в одном из своих писем настаивал: «Экспериментальная разработка электромаски потребует многочисленных опытов, а также специальной комнаты, приборов и прочих мелких приспособлений. Ориентировочная стоимость приборов составит около 8–10 тыс. руб. Приборы и всё прочие необходимо выписать из Москвы. Я лично заинтересован в практическом воплощении электромаски. Прошу Вас о следующем: отпустить необходимые средства и командировать доверенное лицо для закупки необходимых приборов» [6. Л. 74].

А.Л. Чижевский знал, что после окончания срока (22 января 1950 г.) ему не удастся уехать в Москву. 2 декабря 1949 г., находясь в Степлаге, он пишет заявление на имя заведующего Кароблздравотдела: «22 января истекает срок моего заключения. Желая остаться работать по своей специальности в Караганде, позволю себе адресовать Вам это заявление. В том случае, если Вы сочтёте мои научные работы полезными в деле здравоохранения Карагандинской области, прошу Вас не отказывать возбудить ходатайство перед Карагандинским областным отделом МВД или КГБ об оставлении меня на работе в Караганде» [9. С. 216].

7 января 1950 г. был выписан наряд на отправку зэка Чижевского в ссылку на поселение: «Этапировать в Караганду в распоряжение УМГБ. Начальник отдела «А» МГБ СССР полковник Заславский, зам. начальника 19 отделения подполковник Шашков» [9. С. 217].

Чижевский устроился на работу в Областной онкологический диспансер на должность лаборанта. Он вёл научную работу по изучению свойства крови и ранней диагностики рака. В онкологическом диспансере Чижевский проработал до 1957 г.

26 февраля 1957 г. выходит приказ директора Карагандинского научно-исследовательского уголовного института г. Иванченко: «О приёме профессора Чижевского с 18.02.1957 г. на работу по совместительству старшего научного сотрудника в лабораторию механизации технологических процессов, с окладом 1400 рублей в месяц» [6. Л. 22]. Здесь он занимался изучением методики аэроионофикации (люстра с отрицательными частицами ионов для очищения воздуха в запылённых помещениях) на шахте № 38 и 70. В КНИУИ Чижевский проработал до 1 апреля 1959 г., а затем переехал в Москву на постоянное место жительства. В 1964 г. учёный с мировым именем ушёл из жизни.

Чрезвычайно широк был круг интересов А.Л. Чижевского – история, астрономия, физика, мифы и сказания народов, математика, медицина, химия, космическая биология. Он пытался собрать воедино такие, казалось бы, разные науки и направления, проявляя при этом завидное мужество, преодолевая многие невзгоды. Несмотря на то, что Чижевского не оценила по достоинству советская наука, он сделал большой вклад в развитие мировой науки. Находясь в заключении, он писал: «Здесь, в Долинке, кто-то постарался создать мнение о том, что мои труды ровно ничего не значат. Это для меня не ново, так как и в Москве против моих новаторских работ были «многократные походы» со стороны «академически мыслящих» учёных, то есть людей, которые руководствуются учебниками и ненавидят новые идеи, новые смелые дерзания, особенно, если эти дерзания опережают современное состояние науки на десятилетия. Но, смею вас заверить, что не всё так ничёмо в моих трудах...» [11. С. 27].

Величие и непобедимость духа, способные преодолеть все невзгоды и удары судьбы, даже самые жестокие, помогли Чижевскому создать вдохновенные строки о космосе, Солнце, любви к людям.

Лагерную систему КарЛАГа испытал на себе ещё один крупный учёный, основатель радиационной генетики и радиационной биогеоценологии Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Его фундаментальные всеобъемлющие труды в области популяционной генетики, радиационной экологии и эволюционного учения получили международное признание. Первым он осознал идею защиты организма человека, его генетического аппарата от действий радиации. Заложил основы молекулярной генетики, создал предпосылки для понимания механизмов восстановления живых клеток и хромосом при облучении.

В 1925–1945 гг. он жил и работал в Германии в Институте биологии кайзера Вильгельма. После окончании войны Тимофеев-Ресовский вернулся на Родину. 9 октября 1945 г. он был арестован. 4 июля 1946 г. Верховный Суд СССР осудил его по ст. 58–1, сроком на 10 лет – с 8 октября 1945 г. по 8 октября 1955 г. [12. Л. 57].

Находясь в заключении, учёный занимался наукой. Он развивал свою «теорию мишени». Радиобиологические исследования, начатые в Германии и продолженные в заключении, позволили сформировать новое научное направление – радиационную биогеоценологию. Учёный саму систему «биосфера и человек» рассматривал не в виде количественных прогнозов дина-

мики роста численности населения, обеспеченности его пищей, загрязнения атмосферы, а в комплексном определении границ устойчивости популяций, биосферы и их резервных возможностей [12. Л. 58].

Из личного дела Тимофеева-Ресовского № 326030 следует, что после вынесения приговора он был этапирован в Карабас (отделение КарЛАГа). Здесь он находился с 15 августа 1946 г. по 29 августа 1946 г. [12. Л. 59]. По всей вероятности, его направили в КарЛАГ для работы на сельскохозяйственной опытной станции. Но после двухнедельного пребывания в Карабасе Н.В. Тимофеев-Ресовский был по этапу отправлен в Самарское отделение, куда он прибыл 31 августа 1946 г. Здесь «Зубр», так прозвали учёного, находился по 18 ноября 1946 г. На каких работах был, чем занимался – не выяснилось. Но некоторые моменты про Самарское отделение можно узнать из книги А.И. Солженицына: «На лагпункте Самарка в 1946 г. доходит до самого смертного рубежа группа интеллигентов: они уморены голодом, холодом, непосильной работой. И даже сна лишены, спать им негде, бараки-землянки ещё не построены. Предвидя близкую смерть, вот как они проводят свой последний бессонный досуг, сидя у стеночки: Тимофеев-Ресовский собирает из них «семинар», и они спешат обменяться тем, что одному известно, а другому нет, они читают друг другу последние лекции. Тимофеев-Ресовский рассказывает им о принципах микрофизики» [13. Т. 2. С. 522].

Между тем А. Завенягин, директор Магнитки, потом Норильского комбината, зам. наркома МВД, разыскивал Тимофеева-Ресовского, чтобы учёный в секретной зоне смог выполнять специальные темы по радиационной биогеоценологии. «Зубра» отыскивали в Самарке.

А.И. Солженицын вспоминает: «Он находился в тяжёлом состоянии, обессиленный, с последней стадией пеллагры. Он умирал... Его положили в сани и повезли на станцию. 150 километров предстояло скрипеть на морозе. К тому же на прощание уголовники вырезали бритвой спину его суконного бушлата. Всё равно доходит профессор, доедет мёртвяком, так что ж добру пропадать, из сукна тёплые портянки выйдут» [13. Т. 2. С. 523].

Доставленный в Карабас 20 ноября 1946 г. Тимофеев-Ресовский находился здесь по 29 ноября. В карточке учёта, в графе когда, куда убыл – «Москва, Бутырская тюрьма 9-го управления МВД» [12. Л. 63].

Известно, что до конца своего срока Тимофеев-Ресовский находился на Урале. В 1955 г., несмотря на окончании его срока, он не был реабилитирован. Его называли «правоуклонником», «приверженцем хромосомной теории наследственности», «распространителем идеализма в биологической науке».

После окончания срока он с 1955 по 1963 г. работал в Институте биологии Уральского филиала АН СССР. С 1964 г. его с большим трудом взяли в Институт медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР, где он проработал до 1969 г. в должности начальника отдела общей радиобиологии и радиационной генетики » [14. С. 114].

Научная деятельность Тимофеева-Ресовского нашла широкое международное признание. Он был избран членом Академии искусств и наук США, Академии «Леопольдина» (ГДР), удостоен высшей награды в области генетики – Кимберовской премии, Дарвинской медали (ГДР), Менделевской медали (ЧССР), золотой медали «За выдающийся научный вклад в генетику» (США) [14. С. 136].

Несмотря на научный вклад Тимофеева-Ресовского в мировую науку, он не был признан советской наукой.

Таким образом, на примере судеб А.Л. Чижевского, Н.В. Тимофеева-Ресовского следует сделать вывод, что советская наука, не признав научные открытия и достижения многих учёных, нанесла себе огромный ущерб. Тем не менее лагерная система не смогла сломить волю учёных, стремление к научному творчеству. Ряду попавшим в относительно благоприятные условия учёным удалось выжить и по возвращении вернуться к творческой работе в науке и к преподаванию, но многие, попавшие на общие работы, погибли или навсегда ушли из науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Судьбы интеллигенции в Воркутинских лагерях. 1930–1950-е годы // Новая и новейшая история. 1999. № 5.
2. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1487. Оп. 1. Д. 274.
3. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Учёные – узники Печорских лагерей ГУЛАГа // Новая и новейшая история. 1998. № 1.
4. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологическое исследование. 1991. № 6.
5. Глухов А. Александр Леонидович Чижевский // Университетская книга. 2001. № 9.
6. ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 257.

7. Чижевский А.Л. В ритме Солнца. М., 1969. 196 с.
8. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Наука, 1973. 256 с.
9. Кузнецова Е. КарЛАГ: по обе стороны «колючки». Сургут: Дефис, 2001. 340 с.
10. Кузнецова Е. Камень с Родины на память // Индустриальная Караганда. 1996. 24 сент.
11. Могильницкий В.М. Звёзды ГУЛАГа. Караганда, 2001. 205 с.
12. ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 275.
13. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. 1918–1956: опыт художественного исследования: в 3 т. М., 1991.
14. Хрестоматия по генетике. Казань, 1988. 198 с.